

шая его: „До тебя, надѣюсь, доходятъ слухи о Польшѣ, съ обыкновеннымъ увеличеніемъ. Есть то въ самомъ дѣлѣ, что Костюшка подымаетъ въ томъ краю гидру якобинцевъ“. Завадовскій надѣялся, что можно будетъ справиться съ поляками. „Какъ бы ни двигало бѣшенство,—писалъ онъ,—но поляки не французы. Сверхъ того, нашихъ силъ противъ нихъ столько, что и муху обухомъ бить можемъ“. Немногимъ позже онъ писалъ: „Польскія дѣла ведены были фаворитомъ (Зубовымъ) и А. И. (т.-е. Марковымъ); для прочихъ были онѣ тайна, дабы не подѣлать съ кѣмъ участія“. Движеніе въ Польшѣ или, какъ выражается Завадовскій, „заимствованный отъ Франціи якобинизмъ“ заставили Россію приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Третій раздѣлъ сдѣлался неминуемымъ. „Я думаю, настоящее происшествіе изгладитъ имя и существованіе республики, и остатокъ пойдетъ по рукамъ. Не спорю, что будутъ хлопоты: но слабымъ у сильныхъ какъ можно вырвать ломоть изъ рукъ? Да и кто возстанетъ противъ трехъ державъ участвующихъ?“ При этомъ Завадовскій сообщалъ многія любопытныя частности о состояніи Польши, подвергалъ критикѣ образъ дѣйствій князя Репнина и пр. Въ іюлѣ 1794 года онъ опять писалъ: „Къ раздѣлу обломковъ готовимся. Свой пай предполагаемъ пространнымъ. Уже есть признаки, что цесарцы не прочь отъ дѣла... о королѣ прусскомъ и говорить нечего: онъ даромъ не воюетъ, развѣ въ томъ только надобно негоцировать, чтобъ не лѣзъ въ нашу черту. Считаю, мой другъ, что сіе дѣло въ нынѣшнемъ году окончится непременно, и Польша перестанетъ быть въ Европѣ, на подобіе планетъ, исчезнувшихъ въ небесной сферѣ“. Завадовскій справедливо рассуждалъ: „Возмущенію только причастенъ шляхтъ, а не вообще народъ, который не возжигаютъ чинимыя подстреканія“. Поэтому онъ полагалъ: „Утушеніе сего пространнаго мятежа зависить отъ полной побѣды надъ Костюшкою“. Въ августѣ 1794 года Завадовскій насмѣхался надъ неудачею пруссаковъ въ Польшѣ: „Король прусскій не Кесарь: пришедъ къ Варшавѣ, не сказалъ: *veni, vidi, vici*“ и пр. Успѣхами русскаго оружія Завадовскій былъ доволенъ. Въ сентябрѣ 1794 года онъ писалъ: „Для насъ, опричь непріятныхъ хлопотовъ, нѣтъ никакой опасности, а напротивъ, приближаемся открыть полосу чрезъ Курляндію по Бугъ. Приобрѣтеніе въ сію сторону отечеству нашему столько важно, какъ подобнаго нигдѣ быть не можетъ. Самъ вѣдаешь, что нельзя не подѣлиться съ другими; но черта наша не обидна противъ сосѣдей. По сію пору австрійцы не любо взираютъ на сіи дѣла и еще въ прямыхъ мысляхъ не объяснились, но, поколоробдивши